

Авеста

Лекции В.И. Абаева (1982–1983 гг.)
с анализом и комментариями

«Республика»
Цхинвал
2016

«Творческий труд и человеческий образ –
вот что оставляет человек в наследие людям».

В.И. Абаев

Мои воспоминания о великом осетине XX века – Васе Абаеве

В 1963 г. Юго-Осетинский научно-исследовательский институт АН ГССР посетили зарубежные и советские маститые ученые-лингвисты вместе с Абаевым В.И. Тогда мы, несколько студентов II-го курса филологического факультета осетино-русского отделения, решили поприсутствовать и послушать знаменитых ученых. Зарубежных ученых переводили, советских понимали. Но особое впечатление на нас произвело выступление В.И. Абаева. Он говорил не спеша, четко, ясно, доступно и метафорично. Может быть, метафоричность была связана с некоторыми осетинскими словами, поскольку он рассматривал цели и задачи будущего «Толкового словаря осетинского языка». И, если до этого я сомневалась в выборе профессии, то после прослушивания данной лекции (выступления) В.И. Абаева, я четко определилась. Твердо решила стать филологом-осетиноведом. (Фото №1)

*В.И. Абаев выступает на заседании,
посвященном 50-летию Института
языка АН СССР (Ленинград, 1971 год).*

В 1970 г. я уже – младший научный сотрудник отдела языка ЮОНИИ, аспирантка Института языкоznания АН ГССР. Южная Осетия отмечает 70-летний юбилей В.И. Абаева с широким размахом. Состоялась и научная конференция, выступая на которой, Василий Иванович говорил о семантике слова. Из всего сказанного мне очень запомнилась: «Семантика – дама ка-признаная». После конференции последовали поздравления юбиляра, а затем, конечно же, застолье в зале ЦИК Юго-Осетинского обкома партии. Гостей было премного. Мы, молодые н/сотрудники, обслуживали застолье (так принято у нас в Осетии). Меня удивило то, что Василий Иванович, можно сказать, ни до чего не дотрагивался, кроме одного кусочка «уәеливых» (осетинского пирога).

Потом, как положено, подали целого жареного поросенка с зеленью во рту, и поставили прямо перед ним. Он занервничал, и М.И. Исаев (воспитанник и бывший аспирант В. И. Абаева) подозвал ребят и попросил их куда-нибудь убрать поросенка. Ребята отодвинули его к тамаде застолья, Джуссоеву Г., первому секретарю обкома партии. В тот же вечер я узнаю от М.И. Исаева, что Василий Иванович почти вегетарианец, в чем впоследствии, когда он приезжал на лето к нам, я убедилась на все 100%, и уже с 1985 г. я организовала через своих студентов доставку из близлежащих сел **мисын** – «осетинского кефира», который он очень любил с кукурузной лепешкой.

В 1973 г. завершаю работу над диссертацией «Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке». В г. Дигоре во время лингвистической экспедиции рассказали мне о термине **сиахс** – «зять», якобы проверяя его на ловкость родичи невесты, с застолья ему, который должен был стоять возле дверей, бросали пустые «си» рога + «ахс» ловить, т. е. он не должен был уронить ни одного из рогов. Не надеясь на то, что мое письмо дойдет до адресата и адресат мне ответит, я набираюсь смелости (по молодости!) и пишу обо всем подробно Василию Ивановичу. К моему приятному удивлению, через 10 дней я получаю письмо, в котором он просит дождаться выхода III тома «Историко-этимологического словаря осетинского языка», в котором я действительно ознакомилась не только с этимологией данного термина, но и с историей возникновения и развития данного термина («ИЭСОС», 1979 г., III т. с. 102).

В 1975 г. в Москве справляют его 75-летний юбилей. На юбилей выехали представители интеллигенции Юго-Осетии. Присутствовали и студенты и аспиранты из Южной Осетии, которые учились в московских ВУЗах. Один из его ближайших друзей из Южной Осетии, Алексей Георгиевич Маргиеев (ныне летописец нашей новейшей истории) организовал фотографирование юбилейных мероприятий.

В 1978 г. еду в научную командировку в институт языкознания АН СССР. А.Г. Маргиеев меня просит доставить Абаеву В.И. фотографии. Я поблагодарила за доверие и с удовольствием согласилась с миссией. Прихожу в Институт языкознания, а у него лекция с аспирантами с разных ВУЗов России и из за рубежа. После занятий девушка из Таджикистана Лейлы Додыхудова говорит мне: «Подойдите поближе и представьтесь, а то он сейчас в миг просмотрит заказанные им книги и будет принимать приезжих ученых из других регионов Союза»; бывало предостаточно и из зарубежья. Я подхожу и очень невнятно здоровлюсь по-осетински: «Дæ бон хорз, добрый день, Василий Иванович!» Он чуть приостановил вождение лупы по странице книги и потом продолжил быстро, быстро опять лупу вести по страницам книги. Тогда Лейлы опять мне подсказывает: говори громче. Я собралась с духом и довольно громко произношу опять: «Дæ бон хорз, добрый день, Василий Иванович!» Он поднял голову, отложил лупу и спросил, кто я. Я тут же быстро отчеканила: «Я из Чъреба» (так мы называем г. Цхинвал между собой). Он улыбнулся, явно заметил мое замешательство и сказал: «А как фамилия?». Я – «Битарова Зоя». Тогда он по-осетински: «А-а, Битараты, ж. «Фидиуæг»-ы

кæй уацтæ цæуынц мыхуыр («которая печатается в ж. «Фидиуг»)? «Да», — ответила я. Он приглашает меня сесть к столу рядом с ним. После долгих распросов о моей диссертации, о моих дальнейших планах, он меня угождает конфетами «Белочка» (впоследствии узнаю, что он их обожал). Я беру одну только, и храню до сих пор, как талисман. (Вообще, он в ящике рабочего стола постоянно держал конфеты и после занятия угождал всех присутствующих в кабинете.) Он благодариł А. Маргиеva за фотографии, говорили и о состоянии преподавания осетинского языка, о подготовке кадров по всем направлениям иберийско-кавказских, армянского и иранских языков, а также по классическим древним языкам. Напоследок я попросила его разрешения посетить его лекции по древне иранским языкам. Он меня приостановил и спросил: «Но Вы же сказали, что уже защитили диссертацию, зачем Вам еще мои лекции?» На что я уже смелее ответила: «Да, диссертацию защитила, но это только путевка в науку, а теперь, чтобы заняться по-настоящему наукой, надо знать больше и глубже, особенно древние языки». Ему, по-моему, мой ответ очень понравился и сказал: «Будешь готовиться как все!»

К великому сожалению, поехать на стажировку я смогла только в 1982 г. Присутствую на банкете по случаю награждения Василия Ивановича Государственной Премией СССР. Все произносят тосты. Вдруг ко мне обращается ведущий застолья М.И. Исаев. Сперва я растерялась, т. к. заранее меня никто не предупреждал. По воле судьбы только я оказалась из Южной Осетии и, оказывается, обязательно надо было выразить любовь и уважение южной части Осетии. Что мне пришло сразу в голову — это Нæхи Вако («Наш Вако») и так далее (так мы называли Василия Ивановича в неофициальной беседе друг с другом). Сегодня я с трудом припоминаю высказанную мною речь, но помню только то, что мне очень сильно поапплодировали.

До моего прихода на лекции, я приобрела у одной аспирантки, Лола ее звали, магнитофон, кассеты и явилась во всеоружии. Когда он увидел аппарат, он удивился и спросил: «А это зачем?» Разумеется я должна была просять у него разрешения о записи его лекции, но раз уж он меня опередил, я извинилась, за то, что без его разрешения принесла магнитофон и попросила его разрешения ведения записи лекции. Оправдываясь тем, что я без Востфаковского образования и не смогу все вспомнить при подготовке к занятиям». (Первопричиной действительно было так). К тому времени моя дочка поступила на Востфак СПГУ (иранская филология). По завершении учебы оставили ее при кафедре в аспирантуре, защитила диссертацию, стала работать на кафедре иранской филологии, вела курс и современного осетинского языка. Дочка моя уже перешла на третий курс, когда они познакомились летом у нас здесь в г.Цхинвале. И только, когда они поговорили об иранской филологии, заулыбнулся и сказал: «Надо же!»

Мы вместе с дочкой приехали в Москву к В.И. Абаеву, чтобы попросить разрешения на подготовку к изданию его лекций по Авесте. Прежде чем дать согласие, он два-три раза еще встретился с ней, указал еще на освещении некоторых Яшт и пожелал успеха, подарив ей огромное количество ирановедческой

литературы, в том числе многотомник «Шах-Наме» Фирдоуси. Не суждено было, видимо, издать Харебати З.Ф. эти записи; надо было перенести все с кассет на бумагу... и семья, дети, а потом и тяжелое заболевание...

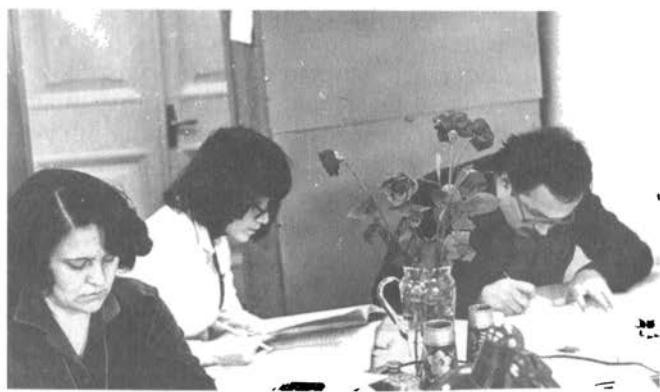
После долгих раздумий, я все-таки решила издать их и около 9-и месяцев с кассет переписала и распечатала 28 лекций на 260 страницах. Обратилась я к авестологу Софье Петровне Виноградовой, аспирантке В.И. Абаева, которая, совсем не располагая свободным временем, тем не менее, из уважения к руководителю, к имени В.И. Абаева в научных кругах России и за рубежом, охотно взялась за работу, мы, осетины, очень ей приятельны за титанический труд.

Я бы хотела сказать пару слов и о том, как вообще проходили лекции. Я прослушала 28 лекций по Авесте и 22 лекций по древне-персидскому языку. Любая из этих лекций проходила с четким лингвистическим, филологическим и текстологическим анализом. Лекции его посещали от аспирантов до зрелых ученых, каждую пятницу с 13⁰⁰ до 15⁰⁰. Были аспиранты из Германии, Венгрии, Киргизии, Таджикистана, Афганистана, и, конечно же, из Северной Осетии (Гусалов Виталий). Аспирантам лекции вела и ирановед, доктор филологических наук Дж. И Эдельман. Василий Иванович приезжал в 12³⁰, и часто аспиранты или только В. Гусалов встречали его у института, и вместе поднимались на 3-ий этаж в сектор иранской филологии. Он, прежде чем начинал занятие, порасспрашивал и сотрудников сектора и аспирантов о их делах, о самочувствии, или даже о погоде на дворе.

1-й эпизод. Вот один из весенних дней, на дворе лучезарное солнце, все говорят о наступлении долгожданной весны, и Василий Иванович спрашивает: «Скажите, пожалуйста, кто из русских классиков описывает погоду, аналогично сегодняш-

Зарина Харебати с Васо Абаевым

Во время занятий.

ней, в начале своего произведения?» Аспиранты ни бум-бум в том числе и я.

И он сам ответил на свой вопрос без упрека присутствующих. После вопрос последовал мне из осетинской классики: «Теперь проверим Зою: «Скажите, пожалуйста, герои какого осетинского прозаика представители вашей фамилии?» – «Секъя», – ответила я. Ему был приятен мой молниеносный ответ, и продолжил: «А как называется произведение?» – «Мад аэмæ фырт» («Мать и сын»), опять быстро ответила я. Надо было видеть, какое он удовлетворение получил моими точными ответами, хотя они-то были вопросами для школьника.

2-й эпизод. Не помню, но как-то на занятия все почему-то пришли неподготовленными. Я тоже только до середины подготовила заданный текст. Занятие началось. Он предлагает афганцу Халилу приступить к переводу и анализу. Он отказался. Предложение последовало киргизке, тоже отказалась. Выбор пал на меня. Я с радостью приступила к работе (готовилась до середины!). Проработав определенный текст, он останавливает меня и предлагает немцу (на фото – высокий блондин) продолжить, получает отказ, и так далее. Его светлое лучезарное лицо вмиг покраснело. Я очень испугалась за него, т. к. никогда я не видела его таким расстроенным и предложила: «Василий Иванович, можно я продолжу» (хотя дальше я не готовилась). Он спросил: «Вы готовились?» Я: «Честно говоря, разок прочла, но с Вашей помощью, с Божьей помощью, давайте попробую». Он удивленно посмотрел на меня, приподнял очки на лоб и произнес: «Безумству храбрых поем мы песню!». Мне показалось, что он понял ход моих мыслей – выручаю всех! Откровенно говоря, сегодня бы я не посмела, но тогда: молодость смела и решительна! Хотя даже сегодня я горжусь своим поступком – выручила всех коллег, а с его лица исчезло покраснение. На удивление, как он сам, так и другие подключились к работе и одолели кое-как перевод и анализ текста. После занятия аспиранты благодарили и удивлялись, как я осмелилась на такой рискованный шаг, ибо он мог просто-напросто снять меня с занятий. Не знаю, но то, что произошло – все записано на кассете от 24.12.82 г. (10-е занятие).

3-й эпизод. Вспоминается, работаем над текстом Хом-Яшт. Он объясняет, что Зороастр выщеживает из семян масло и делает напиток бессмертия. Тогда я обратилась к нему с вопросом: «Василий Иванович, не является ли отголоском этого напитка то,

Аспиранты встречают В.И. Абаева.

что в Южной Осетии покойнику под голову в гроб кладут подушку из хмеля (хуымæллæг), т. е. отправляют в бессмертие?» Василий Иванович подумал некоторое время и сказал: «Пожалуй, лучше не придумаешь!»

Другой раз объясняя появление сонорного /н/ перед согласными в Авесте в дигорском и в афганском (пушту) подчеркнул особую близость дигорского диалекта и афганского к Авесте. И тут я представляю свои аналогичные примеры из мегрельского языка (картвельская группа языков), чему он очень удивился и попросил принести ему работу, подтверждающую данный процесс. Или же в Ард-Яшт у реки Дайтъя Арти добром приносят жертвоприношения, чтобы она даровала им успех и я опять: «Василий Иванович, в осетинском языке есть такая благодарственная формула: «Доны был дær дын дæ лæггад нæ бафиддзынæн (доны къусæй дær дын дæ лæггад нæ бафиддзынæн)» («Даже у реки (миской воды) не смогу отплатить тебе за твои благодеяния»). «Да, да, возможно», – ответил он.

Диссертацию на соискание степени кандидата наук я написала по «Лексике родства и родственных отношений в осетинском языке». Но после защиты диссертации зав. отделом языка ЮОНИИ профессор Габараев Н. Я. переключил меня на исследования проблем фонетики и фонологии осетинского языка.

И, вот, находясь на стажировке в Институте языкоznания АН СССР, решила воспользоваться столичными возможностями, и начала исследовать возникновение гласного звука /ы/ в осетинском (иронском) на основе церковной литературы XVIII–XIX вв. По завершении позвонила, попросила консультацию. В назначенный день и время (17⁰⁰) я приезжала к ним. Супруга его Ксения Григорьевна проводит меня к себе в комнату, разговорились... Но вдруг я слышу неизвестную мне речь из кабинета Василия Ивановича. Мне почему-то показалось, что у Ва-

В.И. Абаев с аспирантами после занятий.

силия Ивановича иностранный гость, и я решила уйти. Но Ксения Григорьевна улыбнулась и сказала: «Не переживай, он скоро закончит учить Овидия и примет тебя», и добавила: «Он развивает память». Я присела обратно на маленький диванчик, и через некоторое время входит Василий Иванович, поздоровался и присел совсем рядом на кресле. Я спросила его, что же он читал? На что он ответил: «Я не читал, а учил наизусть Овидия на древнегреческом». И добавил: «После дневного отдыха я всегда учу что-то наизусть, как бы сказать, укрепляю память», и развивает дальнеше мысль: «Человеческая память безгранична, надо просто уметь ее развивать и использовать», и пожаловался, что он использовал всего 10% своей памяти. Я рассмеялась и сказала: «Василий Иванович, тогда я использовала память всего на 0,1%, как же так...». А когда Ксения Григорьевна рассказала его распорядок дня, я еще больше была удивлена.

«Василий Иванович до 10-ти утра занимается собой, завтракает, потом садится за рабочий стол и, не вставая, работает до 15⁰⁰ часов. Отдыхает с 15⁰⁰ до 16⁰⁰ часов. С 16⁰⁰ до 17⁰⁰ обедает. С 17⁰⁰ «укрепляет память», как он это называет, если к нему никто не приходит на консультацию. С 18⁰⁰ просматривает почту, ужинает с 19⁰⁰. С 20⁰⁰ по 22⁰⁰ слушает и смотрит телевизор. Потом поухаживает за собой и ложится спать». И, хотя очень четко был составлен его график, тем не менее, видимо до 70-летнего возраста, как мне кажется, работал он больше и дольше.

После этих разъяснений Ксении Григорьевны о его распорядке дня, он рассмеялся и спросил: «С чем же Вы пожаловали, Зоя, давайте послушаем Вас». Я вкратце рассказала о своей работе, и он долго молчал. Потом спросил: «Вы Шифнера тексты смотрели, как там?» К великому моему стыду, я сказала, «нет». Тогда он встал, пошел к себе в кабинет и принес Шифнера. При-

Проводы В.И. Абаева. Слева направо: Маргиеев А.Г., Дзатиаты Г.П., Гаглоиты Ю.С., Парастаев И., Кочиев Р., Багаев Б., Харебати З.Ф., Харебати Ф.Г., Абаева З.В., Техов Б.В., Абаев В.И., Гаглоева З.Д., Цховребов З.П., Джусойты Н.Г.

сел, раскрыл, посмотрел, закрыл и смотрит вдаль. Ксения Григорьевна с недоумением смотрит на меня, я на нее. Мы обе почувствовали холодок по телу, т. к. если у Шифнера не так, он мог, вообще, больше меня никогда не принять. Почему? Потому что, он не переносил пустословие, безфактный лепет в науке, кто бы его не нес. После долгой паузы, я осмеливаюсь обратиться: «Василий Иванович, не щадите меня, что есть, то есть...» На что он ответил: «Зоя, знаете о чем я думаю? (Представьте мое жуткое беспомощное состояние). Как я прошел мимо». Я чуть ли не подпрыгнула от радости и, опускаю свою ладонь на его руку легким ударом, произнося: «Ничего, Василий Иванович, бывает и такое!». Через секунду я прихожу в себя, понимая, что совершила непоправимое, нарушила субординацию и начала извиняться.

Он начал очень искренне смеяться (такой смех был характерен только ему!) и говорит: «Кæссыс, кæссыс, фæнадтай мæ æмæ, дам, мын æй ныххатыр кæн!» («Надо же, побила меня, а сама просит, чтобы я простил»).

Через несколько дней он приезжает в Институт на занятия и говорит Исаеву М.И.: «Спроси-ка Зою, чего она меня побила? Рука у меня еще синяя!» Исаев М.И. долго ничего не мог понять, что же все-таки произошло. Тогда Василий Иванович рассказал о моем исследовании, о моем поступке в порыве радости и добавил: «Пожелаем ей удачи!»

В квартире Василия Ивановича кроме его кабинета, книги находились на застекленных полках до потолка в 6-метровом коридоре. Кроме книг, кабинет его был забит юбилейными ценностями подарками разного стиля. Но мне очень понравилась 70-ти см. высоты скульптура «Скифа – Васо». На стене

у кровати висели кинжал и два рога в золотой кайме, осетинский национальный костюм и много еще разного. Не знаю, кто как поймет, но я решила: во чтобы то ни стало, Василий Иванович со своей библиотекой должен переехать к нам в Южную Осетию. Почему? Потому что я очень боялась, что то, что он сохранил, может исчезнуть в один миг. А ведь он же был со своей библиотекой, со своим архивом, национальным достоянием Осетии.

Уезжая на год в г. Москву, я задержалась там на 1,5 года. И время от времени я его спрашивала, не хочет ли он поселиться в Южной Осетии. На первые два раза он не отреагировал, на третье мое предложение (прямо перед моим отъездом) он посмотрел на меня удивленно и говорит: «Зоя, Вы что, секретарь Обкома?» На что я ответила: «Василий

Васо Абаев в своем кабинете.

Иванович, Вы, пожалуйста, не сердитесь, что я такой маленький человек по чину и берусь за такое ответственное дело, но Вы же знаете поговорку: «Иногда и муравей медведя доводит до отчаяния». Он рассмеялся своим звонким, чистым, детским искренним смехом и сказал: «Ладно, согласен». Я опять: «Где желаете, в Чъреба (неофициальное название г. Цхинвал) или в Дзау?». Он: «Конечно же – Чъреба, чтобы ко мне заходили друзья», и опять звонкий его смех.

Я его поблагодарила за согласие и через несколько дней уехала. По приезду я сразу обратилась к знаменитостям Юга Осетии, но кроме Григория Котаева и Людвига Чибирова никто не осмелился подняться «наверх». Мое мнение было – пристроить к ЮОНИИ три этажа с улицы Кошиева, где бы на 3-ем этаже расположили его библиотеку, 2-ой этаж – жилье, 1-ый этаж – для хозяйственных необходимостей и гараж.

Тамара Шалвовна Кабулова – Председатель Облисполкома, доложила Первому секретарю Обкома партии Феликсу Сергеевичу Санакоеву о заявлении Л. Чибирова и Г. Котаева. Но Ф.С. Санакоев не поддержал пристройку к ЮОНИИ из-за дороговизны и предложил финский домик на улице Джапаридзе (ныне В.И. Абаева), который мы с Л.А. Чибировым обустраивали все 6 месяцев.

В 1984 г. он вселяется в свой дом, «домик на куриных ножках» (так он называл свой дом), в котором он очень любил жить, и удивлялся и радовался тому, что у него есть собственность. Однажды, 24.06.1987 г., находясь у нас дома в гостях, с другими нашими общими друзьями, он попросил включить магнитофон: «Дæ аппарат-ма баиу кæн» («Включи, пожалуйста, свой аппарат). Я включаю магнитофон и он произносит завещание: «Всю свою библиотеку я хочу подарить Южной Осетии. Это будет скромный знак моей благодарности Южной Осетии, общественности Южной Осетии, за все что она для меня сделала. Я представляю себе технически это дело так: на первых порах библиотека не будет вливаться в какую-нибудь Цхинвальскую библиотеку, а будет размещена у меня в доме. Для того, чтобы кто-нибудь заведовал этой библиотекой, так сказать, следил за ним, чтобы там было все цело. Ну, техническая работа такая, составление каталогов. Я надеюсь, что это возьмет на себя Ксения Григорьевна. Надо будет составить 3 каталога: русский, иностранный, осетинский. В дальнейшем надо будет составить отраслевые каталоги по отдельным дисциплинам. Встает вопрос о том,

Васо Абаев с супругой Цхурбаевой К.Г.

Дом-музей В.И. Абаева до 08.08.08.

После 08.08.08.

перебрасывать книги с полками или без полок. Лично я думаю, что перевозить полки – это очень громоздко и можно просто здесь заказать стеллажи и на них разместить. Но может быть и такой вариант – книги перебрасывать вместе с полками. Библиотека должна быть общественной, т. е. доступной каждому, кто интересуется книгами.

Ну, конечно, такой доступ непосредственно к книгам будет только для самых близких людей. Ну, и другие по каталогу могут находить себе нужную книгу, и получить на дом на определенный срок. Иными словами, она будет работать так, как любая общественная библиотека. Ну, в далеком будущем она, наверное, вольется в местные библиотеки. Может быть, изначально обязанности заведующей библиотеки возьмет на себя Ксения Григорьевна... Посмотрим».

По 1990 г. ежегодно он жил в своем домике по 5–6 месяцев. Это был исключительно необычный период в жизни интеллигенции Юго-Осетии, представители которой постоянно посещали его и консультировались. 1988 – 1990 гг. – время наших политических событий, начало всесторонней блокады.

4-ый эпизод. 1992 г. Осетинские партократы просят его обратиться к молодежи, во имя прекращения кровопролития. В результате, он высказал мнение, что Южная Осетия административно входит в состав Грузии и как бы нет никакой надежды выйти оттуда. И конечно же было возмущение среди населения, которое до конца не поняло ход его мысли.

В конце 1992 г., я, будучи депутатом РЮО первого Парламента первого созыва, организовала вывоз раненых в столичные больницы на лечение, а также в г. Санкт-Петербург. Позвонила, попросила принять меня. Прежде никогда Василий Иванович меня так недоброжелательно не принимал. Тем не менее, я твердо решила объяснить причины бунта населения Южной Осетии в его адрес. Я четко изложила ему нашу справедливую борьбу за родной язык против грузинского шовинизма. Пока он постучал по столу, укорив меня заэкстремистские взгляды, настрой шовиниста и т. д.

Я поняла, что партократы Юга и Севера Осетии, генералы и др. хорошенько обработали, пока мы здесь истекали кровью, жили без электричества, над городом всегда был густой туман от дыма печек даже в светлые зимние дни. И решила, не уйду, пока не доведу до него нашу боль, нашу цель, нашу задачу. И ставлю вопрос: «Допустим, у меня экстремистские взгляды, хотя это не так, кто мне внушил этот взгляд?»

В.И. – «Не скажи, что я».

Я – «Да, вы!»

В.И. – «Каким образом?»

Я – «Когда Вы писали: «До нас доносится шум событий далекого прошлого, движение человеческих масс, топот коней и звон оружия; мы как бы видим вторжение ираноязычных скифо-сарматских племен на Северный Кавказ, ассимилирование ими некоторых местных племен, рождение в этом процессе своеобразной осетинской культуры».

Как же вы думаете писать историю так образно и хотите, чтобы ни на кого не повлияло. Да, Вы на нас повлияли положительно и спасибо за это учение, – защищаем свой родной язык, который родился здесь на Кавказе в средние века». И продолжаю: «Вы сегодня отрицаете свою работу «Вокруг Армазской билингвы?»

В.И. – «Нет, не отрицаю».

Я – «В таком случае, если наши предки скифы не жили на территории современной Грузии, почему в Армазском ущелье недалеко от г. Мцхета на высоком равнинном месте захоронения скифских царей, что эти места скифы купили, что ли?»

В.И. – «Хорошо, допустим это так, а потом куда они делись?»

Я – «Василий Иванович, Вы меня проверяете, читала ли я Ваши труды? Вы отрицаете сегодня свою историю субстрата?»

В.И. – «Нет, не отрицаю».

Я – «Вот и смешались с пришлыми грузинскими племенами, дали конгло-

Проводы В.И. Абаева. Слева направо: Харебати З.Ф., Битарти З.А., Ханикаева З., Цхурбаева К.Г. (супруга В.И.), Техов Б.В., Абаев В.И., Гаглоева З.Д.

мерат и по языку, и по культуре. О чем очень убедительно говорят исследования профессора М. Андроникашвили».

Ксения Григорьевна и он сам остались довольны. Впоследствии, скорее через месяц я читал его статью: «Патология национализма».

Кроме того, он больше никогда не принял грузинские СМИ для интервью. Нашу борьбу за независимость он прекрасно осознавал и часто говорил: «Оказывается и политика тоже интересная наука, а я всю жизнь занимался приставками и суффиксами». Да, это была шутка с его стороны. Потому что он лучше всех разбирался в минусах и плюсах социалистического строя. В подтверждении скажу, что в 1989 г., провожая его в Северную Осетию, во дворе дома-музея великого Коста Хетагурова кто-то из встречающих его из Северной Осетии спросил: «Василий Иванович, как можно правильнее перевести слово «перестройка» на осетинский язык?» Василий Иванович переспросил редактора «Рæстдзинад», а как он переводит? Тот ответил: «Рацарапэт», т. е.

Юбилей Василия Ивановича Абаева. 1985.

Ряд НИЖНИЙ (Сидят слева направо):

- 1.
- 2.
3. Сланова З.
4. Ханикаева О.Н.
5. Растворгueva B.C.
6. Абаев В.И.
- 7.
- 8 Исаев М.И.
9. Гаджиева Н.З.
10. Уфимцева А.А.
11. Хайдаков С.М.

12. Тенишев Э.Р.

13. Цукерман И.И.

Ряд ВЕРХНИЙ (Стоят слева направо):

1. Бархударов А.С.
2. Раевский Д.С.
3. Алмазов А.В.
4. Алмазов В.В.
5. Абаев Д.В.
6. Джатиева А.П.
7. Гарданов В.К.
8. Цагаева А.Дз.
9. Басиев

калька полностью. Василий Иванович долго смотрел в даль и потом сказал: «Нет, не «рацарэст», а «цæстфæлдахын» – «жульничество», «мошенничество», чем он лишний раз показал нам всем глубокое понимание сути происходящего в общественной жизни СССР. «Угрозу человечеству несет не атомная эра, а духовное состояние в атомную эру. Сделать людей духовно зрячими – такова задача гуманистического воспитания». О глубоком понимании, осмысливании вообще жизненных ценностей, он на семидесятилетнем юбилее сказал:

«Пока человек живет, многие из окружающих – я бы сказал, большинство окружающих – проявляют живой интерес и к таким, примерно, вопросам: какую должность занимает этот человек, какие у него титулы, звания, степени и другие внешние знаки того, что называют успехом в жизни. Некоторые распространяют свою любознательность даже на такие вещи: сколько он зарабатывает, какая у него квартира, есть ли у него дача, есть ли у него машина и другие столь

10. Фурцева Л.	22.	34.
11. Лушникова А.В.	23. Суперанская А.В.	35.
12. Абаев З.П.	24. Гусалов В.	36.
13. Битарти З.А.	25. Шахнарович А.М.	37.
14. Галимова Г.	26. Молчанова Е.К.	38.
15.	27. Эдельман Дж. И.	39.
16. Пахалина Т.Н.	28. Цаболов Р.Л.	40.
17. Шагиров А.К.	29. Завьялова В.И.	41.
18. Баскаков Н.А.	30.	42.
19. Калоев Б.	31.	
20. Левитская Л.С.	32. Виноградова С.П.	
21. Цхурбаева К.Г. (супруга В.И. Абаева)	33. Керимова А.А.	

же суетные вещи. Но когда человек умирает, вся эта бутафория довольно быстро забывается, и существенными остаются только две вещи: во-первых, что дал этот человек обществу, своему народу, своей стране, человечеству, каким творческим трудом была отмечена его жизнь; и во-вторых, какой светлый след он оставил в сердцах тех, кто знал его лично, или, если и не знал лично, то составил о нем определенное представление, определенный образ по его делам, по всему его жизненному поведению. Этот второй момент – человеческий образ – не менее важен, чем его профессиональные достижения, а в плане морального воздействия он даже еще более важен. Короче говоря, творческий труд и человеческий образ – вот что оставляет человек в наследие людям. Все остальное, все внешние атрибуты престижа, казавшиеся такими важными при жизни, обращаются в тлен и прах. Кому теперь интересно знать, какая квартира была у Аристотеля, или какие должности занимал Менделеев, или какие титулы и звания были у Эйнштейна? И я иногда думаю: как было бы замечательно, если бы человек ориентировался только на ту оценку, которая ждет его после смерти, а не на ту, часто ложную, обманчивую, искаженную конъюнктурными моментами и внешней видимостью оценку, которую он имеет при жизни. Сколько он сэкономил бы времени, сил и энергии, которые он безрассудно приносил на алтарь своего тщеславия и так называемой карьеры, и которые он мог бы употребить на какое-нибудь общественное полезное дело. К сожалению, не каждому это удается. Вероятно, не удалось это полностью и мне. Но все же, оглядываясь на прошлое, я, честно говоря, не могу припомнить ни одного случая, когда бы я хотя бы пальцем о палец ударили для получения какой-либо должности, звания или степени. Единственное звание, которого я энергично добивался, это звание студента Петроградского университета в 1922 году. После этого я уже не добивался никаких званий и должностей. И не скрою, что это доставляет сейчас мне большое удовлетворение. Значит, в этом отношении я жил правильно, без суеты. Очень важно жить без суеты. Суета изнашивает людей. Я уверен, что даже многие физические недуги происходят от суеты.

Коренное преобразование отношений между людьми – в этом высший смысл и конечная цель нашей жизни. Все остальные не что иное, как средство достижения этой цели.

На каждом из нас лежит долг – решая свои текущие научные проблемы, делать в то же время все от нас зависящее, чтобы скорее наступило это царство – царство доброты. Вы спросите, что можно каждому из нас для этого сделать? Ответ очень простой. Прежде всего, быть добрым самому. Будучи добрым, вы будете заражать добротой и окружающих. Ведь доброта заразительна, гораздо заразительнее, чем эгоизм и злоба. Давайте же дадим слово, что с этого дня каждый из нас будет чуточку добрее...» (Из кн.: М.И. Исаев. «Василий Иванович Абаев». – М., 2000. – С.140-141).

З.А. Битарти